

© 1990 г.

ИСАЕВ М. П., ТЕНИШЕВ Э. Р.

OSSEICA — TURCICA

В декабре 1990 г. доктору филологических наук, заслуженному деятелю науки Северо-Осетинской АССР, заслуженному деятелю науки Грузинской ССР, действительному члену Азиатского Королевского общества (академии) Англии, члену-корреспонденту Финно-угорского общества (Хельсинки), профессору Василию Ивановичу Абаеву исполняется 90 лет.

Научные интересы В. И. Абаева необычайно широки. Его перу принадлежат превосходные исследования по различным проблемам теоретического языкознания и компаративистики, истории и этимологии, лексикологии и лексикографии, литературоведения и фольклористики.

Среди ученых В. И. Абаев известен прежде всего как признанный патриарх современной иранской филологии. В его трудах глубокому анализу подвергнуты многие мертвые и живые иранские языки и диалекты. Особенно ценны в этом плане исследования ученого по Авесте и древнеперсидскому языку, по скифо-сарматским наречиям и аланскому языку. Что касается живых языков, то основное свое внимание В. И. Абаев уделяет многочисленным проблемам своего родного осетинского языка.

Здесь он вот уже семь десятилетий продолжает линию своих выдающихся предшественников, академиков Вс. Миллера и А. Шегрена по всестороннему изучению истории, этнографии, фольклора и языка осетин. Опираясь на результаты исследований своих предшественников, а также современное состояние науки, В. И. Абаев подкрепляет и уточняет теорию языковой преемственности скифов (сарматов)—алан—осетин, данными исторического языкознания решаются кардинальные проблемы генезиса осетин на протяжении по крайней мере трех тысячелетий. С историко-филологическими разысканиями ученого теснейшим образом связана его многолетняя деятельность по осетинской диалектологии. Им уточнена система диалектного членения осетинского языка, дано описание осетинских диалектов. В. И. Абаеву принадлежит и разработка кардинальных проблем современной осетинской грамматики. Им исследованы также наиболее фундаментальные вопросы осетинской лексикографии, составлен первый научный русско-осетинский словарь.

Многие труды В. И. Абаева посвящены анализу контактов осетинского языка с иберийско-кавказскими, финно-угорскими, славянскими языками. Его перо неоднократно касалось и тюркологического материала. При этом интенсивность использования данных многочисленных тюркских языков для решения иранистических проблем на протяжении десятилетий подвижнического труда ученого все возрастала.

Как и во многих других отношениях, интерес к тюркскому лингвокультурному миру В. И. Абаевым наследован от своего выдающегося предшественника, основоположника исторического осетиноведения акад. В. Ф. Миллера. Именно В. Ф. Миллер впервые обратил серьезное внимание на важность вклада тюркских языков в развитие осетинской лексики.

В известном труде «Язык осетин» ученый отмечает, что «благодаря общению с тюркскими народами (гунами, аvaraми, хазарами, куманами, татарами) предков осетин в их язык проникло большое количество тюркских слов, хронологию которых, однако, трудно установить. Тюркские языки способствовали также проникновению в осетинский целый ряд арабских и персидских слов» [1, с. 22]. Далее, он приводит большой список слов, усвоенных осетинским из тюркских языков и через них (в основном персидские и арабские слова).

Развивая это положение В. Ф. Миллера, В. И. Абаев уже в ранних своих работах дает высокую оценку роли осетинско-тюркских контактов в становлении словарного состава современного осетинского языка [2—5]. Если В. Ф. Миллер обнаружил всего десятки тюркизмов в осетинском, то в трудах В. И. Абаева речь идет уже о сотнях. «Они, — пишет ученый, — пронизывают все сферы лексики, начиная от бытовых и хозяйственных понятий, как *tægæna* „корыто“ и *toqyl* „откормленный баран“, и кончая абстракциями, как *qarɣ* „энергия“. Достаточно сказать, что в осетинском языке даже слово со значением „дочь, девушка“ (без которого трудно представить себе какой-либо язык) — тюркского происхождения: *kizgæ*» [6, с. 23].

И, действительно, если обратиться к «Историко-этимологическому словарю осетинского языка» В. И. Абаева [7], нетрудно заметить, что в заимствованной лексике осетинского языка тюркизмы представляют наиболее многочисленную группу. Как отмечает сам автор, «если взять, например, слова, начинающиеся с заднего неба *q*, то здесь тюркских слов окажется значительно больше, чем иранских. Сама фонема *q* вошла в осетинский язык по-видимому, под влиянием тюркских языков» [6, с. 23—24]. В этой связи добавим, что во втором томе упомянутого словаря В. И. Абаева только на эту букву (*q*) из двухсот слово-основ с тюркскими языковым миром так или иначе связана чуть ли не половина (см. [7, II, с. 253—337]).

При этом тюркский вклад в становление и развитие осетинской лексики «чисто тюркскими словами» не ограничивается. Огромное количество нетюркских слов, проникших в осетинский через разные тюркские языки. Абсолютное их большинство обычно называют «арабо-персидско-тюркскими». Их основу составляет арабская лексика.

Наиболее полный охват этимологических арабизмов находим в четырех томах «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абаева. Здесь же читатель найдет и указание на языки, в которых также функционирует та или иная арабская лексема.

Чтобы показать обилие и разнообразие этимологических арабизмов, проникших в осетинский через тюркские языки, представим их группировку по семантическому признаку. Можно выделить несколько групп.

1. Слова, выражающие различные понятия общественного характера: *адæм* «народ», *атлæ д.* «род, поколение», *æууæл* «состояние, положение», *дауæ* «обвинение, тяжба», *мулк* «имущество, состояние, богатство», *парæт* «свободный, обильный, щедрый», *разы/аразы* «согласный, довольный», *сахъæт* «недостаток, дефект, порок», *хъæзуат/хъæзуат* «яростный бой, натиск», *хъæлæба* «шум, шум голосов, смятение, спор», *хъоды/хъоди* «неприкосновенный, заповедный, отверженный; бойкот, штраф» и др.

2. Термины, связанные с мусульманской религией: *адæл* «смертный час, рок», *алæмæт* «чудо, чудесное знамение», *дуа* «молитва», *иблис*, *иблиз* «дьявол, демон», *мæзджыд/мæзжит* «мечеть», *молло* «мулла», *табæт* «гроб», *хъаймæт* «потоп, конец мира, страшный суд», *хъуыран/хъуран* Коран и др.

3. Названия предметов труда, хозяйственного быта и одежды: *гебен/гебена* и. «саван», д. «короткая верхняя одежда из грубого материала», *дзыпп/дзыппæ* «карман», *кæба* «платье женское», *кыссыæ*, *чыссыæ/кысæ* «кошелек, мешочек, карман», *матара* «мех для воды», *мурабæ* и. «варенье», *сасуг* д. «головной платок», *табка*, *тапка* «навес, кровля; полка», *табагæ* «тарелка, блюдо» и др.

4. Термины, относящиеся к области металлургии, химии, военного дела, медицины, торговли: *алмас* «алмаз», *дукани/дукан*, *тукан* «лавка», *мидзыра/мудзура* «штык, палка (альпийская, охотничья) с железным наконечником», *мысатыр/мысатир* «нашатирь», *нос*, *нуас* «шрам», *хæмж/хæмжа* «кинжал».

5. Названия стран, народов: *арабб* «арабы, Аравия», *дзутт/дзуйтт* «евреи, еврейский народ», *Мысир/Мисир* «Египет», *Сам* д. «Сирия, Дамаск» и др.

6. Слова разнообразного содержания (не вошедшие в предыдущие) группы: *ахъаз/агъаз* «помощь, польза», *баркад/бæргæт/берекет* «пазбилие», *дзуап/дзуйап(н)* «ответ», *дзубанди* д. «разговор, беседа», *къори* «шар», *миат/нет* «решение, намерение, план», *сæлам/салам, салам* «приветствие, привет», *сурæт / сорæт* «картина, изображение, портрет», *таурæгъ*, *таурæгъи*, *таурыгъ/таурæгъ* «историческое предание, легенда, сказание» и др.

Арабская лексика в осетинском полностью подчиняется внутренним законам языка-реципиента. Благодаря этому из этимологически арабских корней по законам осетинского словообразования и словосочетания появилось большое количество новых слов и выражений.

Кстати, это характерно и для собственно тюркских слов. Все это делает чрезвычайно весомым тюркский вклад в становление современного осетинского языка, особенно его словарного состава. В. И. Абаев исследует тюркизмы и в хронологическом аспекте, порой уточняя конкретные языки, из которых они заимствованы. Так, установлено, что тюркизмы проникали в осетинский язык в различные исторические эпохи. Наиболее древнюю их часть В. И. Абаев возводит к алаано-тюркским этническим контактам, в результате которых происходило взаимопроникновение элементов этих языков (из осетинского в балкаро-карачаевский, из балкаро-карачаевского в осетинский) и усвоение ими элементов общего местного, кавказского субстрата [5, с. 275].

Вполне понятно, что осетины из всех тюркских народов теснее всего контактировали с балкарцами и карачаевцами. В. И. Абаев еще в 1929 г. находил в осетинском языке около двухсот общих слов с балкаро-карачаевским, не считая общетюркских [5, с. 276]. Вообще тюркские элементы в осетинском, как правило, тяготеют к северотюркским языкам. Именно из них усвоены такие слова, как *хæрццызгæ* «ястреб», *гъаз* «гусь», *согъ-тър* «кривой», *аргъан* «аркан», *аргъонахъ* «волкодав», *бирæгъ/берæгъ* «волок», *теуа* «верблюду», *нинагъ* д. «малина» и др.

К сожалению, до сих пор не существует монографического труда по очень интересной и важной проблеме осетинско-тюркских языковых контактов. В этом плане большое значение имеет работа В. И. Абаева «Тюркские элементы в осетинской антропонимии» [6].

Как определяет ученый, удельный вес собственных имен тюркского происхождения более значителен, чем таковой в апеллятивной лексике осетинского языка. Из 108 выявленных им тюркских имен в осетинском языке 92 являются мужскими, а 16 — женскими. При этом как те, так и другие по своей структуре могут быть односоставными или двусоставными.

К односоставным мужским именам относятся: *Бадзай, Байур, Билар, Ботас, Дула, Дзанцек, Есен, Инал, Куыцк, Огуыллж, Хъайсын, Хъайтмаз, Хъарадау, Хъазан, Хъырым, Сабан, Салат, Таймаз, Тузган, Тузар, Угъалыхъ, Цомахъ, Чермен* и др. Двусоставные мужские имена образуются благодаря элементам *бег, бий, гъан, зан, мырза, джери (гери, солтан), султан, батыр, болат, темир*. Например: *Хъазанбег, Хъантемир, Джерихан, Темирболат, Алахътемир, Хадзымырза* и др.

Односоставные женские имена представлены всего тремя: *Зариффа, Азау, д. Уолмес*.

Двусоставные женские имена образуются с помощью элементов *хан* и *хъыз «дочь»*. Например, *Ханзариффа, Майржыгъыз* и др.

О тесных антропонимических контактах осетин с тюрками свидетельствуют также общие фамилии, ср.: *Будасы, Карасы, Куласы, Абаевы*.

Такое обилие тюркских личных имен у осетин В. И. Абаев объясняет не только «тюркской модой» в осетинской антропонимии (а такая «мода», несомненно, существовала в прошлом), но еще тем, что тюркоязычные народы пользовались у алан и осетин высоким престижем, так как в определенные исторические эпохи они представляли собой мощный социально-культурный фактор. Выявленное В. И. Абаевым обилие у осетин личных имен тюркского происхождения (см. об этом также [8, с. 31 и сл.]) закономерно дополняет общую картину распространения тюркизмов в различных пластах осетинской лексики.

Все сказанное свидетельствует о том большом значении, которое придает крупнейший современный иранист-филолог В. И. Абаев тюркскому элементу при раскрытии исторических судеб осетинского языка. В. И. Абаевым проделана немаловажная работа и по выявлению иранского (осетинского) вклада в развитие отдельных тюркских языков. В данном плане особую ценность представляет труд «Об аланском субстрате в балкар-карачаевском языке» [9]. Эту работу, несомненно, следует продолжить, чтобы получить более исчерпывающую картину контактирования осетинского языка с тюркскими в различные исторические эпохи.

Однако у этой проблемы существует и другая сторона. В трудах В. И. Абаева отражен тюркологический материал разных эпох и различных языков, специалисты по которым могут извлечь из них немало ценного для себя. Вот почему тюркологи с благодарностью пользуются многими исследованиями В. И. Абаева и, разумеется, прежде всего его четырехтомным капитальным трудом, «Историко-этимологическим словарем осетинского языка» [7], за три первых тома которого автор был удостоен Государственной премии СССР за 1981 г.

Доброго здоровья Юбиляру!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миллер В. Ф. Язык осетин / Перев. с нем. Исаева М. И. Ред., предисл., примеч. Абаева В. И. М.; Л., 1962.
2. Абаев В. И. Краеведение у горских народов // Изв. СОНГИИ. 1926. вып. II.
3. Абаев В. И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев // Язык и мышление. I. Л., 1933.
4. Абаев В. И. О диалектологическом изучении горских народов // Тр. I диалектологической конф. в Ростове-на-Дону. Ростов, 1939.
5. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949.
6. Абаев В. И. Тюркские элементы в осетинской антропонимии // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.
7. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958; Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979; Т. IV. Л., 1989.
8. Исаев З. Г. Осетинская антропонимия. Личные имена. Орджоникидзе, 1986.
9. Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкар-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.